

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

рассказанная им Игорю Верткину

Часть первая

Родился я в Ташкенте 15 октября 1926 года. Собственно, родиться я должен был в Баку. Отец и мать работали в Баку, в азербайджанском телеграфном агентстве - АзТАГ. Там и познакомились.

Отец был уже женат. Родителям матери это очень не нравилось. Из брачных планов могло ничего не получиться. Но к этому времени я уже решительно начал возникать. Месяц, другой, третий - надо было что-то решать... Богобоязненная, религиозная семья; нулевые шансы на мирный исход конфликта.

Главой семьи была девятилетняя прабабка. Она поддерживала порядок, следила за соблюдением религиозных норм и т.д.

Родители удрали в Ташкент. Отец устроился в редакцию газеты "Правда Востока", а мать начала меня рожать и родила 15 октября 1926 года.

Я не знаю, кем отец работал вначале, но удирал он из Ташкента уже в должности заместителя редактора. Он поместил материал, который кого-то там задел. Пришлось удирать... Так же ретиво, как и в первый раз.

Удрали в Баку. Состоялось формальное примирение с родственниками Это примерно 1928 год.

У меня осталось мало ташкентских воспоминаний. Хорошо запомнился шум арыков. С той поры я стал уважать текущую воду. Еще несколько деталей Мы жили на втором этаже, в стеклянной веранде. Каждое утро солнце выходило из-за стены противоположного дома, и стекла ярко вспыхивали "золотым цветом"... Запомнился игрушечный револьвер, который привез отец из командировки в Москву.

И.Верткин (ИВ): А себя вы с какого возраста помните?

Г.Альтшуллер (ГА): Только отдельные эпизоды. Помню, как переезжали на пароходе из Красноводска в Баку. В столовой я уронил вилку (или ложку). Страшно испугавшись, спросил: "А капитан слышал шум?" Ответили, что капитан слышал. Я был потрясен... Видимо, впервые почувствовал почтение к Капитанам...

Вот несколько эпизодов, а больше я ничего не помню. Мать работала в Ташкенте в той же газете, в той же самой редакции.

У нас не было квартиры в Баку, а книг было очень много. Когда отец драпал из Баку, он прихватил какие-то наиболее интересные книги. В Ташкенте библиотека пополнялась. Сдавали квартиры в те времена неохотно... Мы переезжали с квартиры на квартиру, таскали с собой книги. Книги я очень хорошо помню.

Отец из Одессы, моряк. Окончил Одесское мореходное училище. Механик. После этого он сделал совершенно непонятную для меня вещь - стал писать книги. Среди наших книг были и книги, которые он написал. Например, справочник по Азербайджану за 1926 год,

история Азербайджана, география Азербайджане... И учебники русского языка, литературы. Перед войной (первой мировой) поощрялись экстернат, заочничество. Книги отца были чем-то вроде самоучителей. Особенно интересной показалась мне русская литература - много о войнах... В 42-м году, уже курсантом военно-морской спецшколы, я не знал забот с сочинениями по литературе: всегда находилась тема для списывания...

ИВ: А отец работал моряком?

ГА: Работал, но недолго. Потом служил в порту. Грамотный человек... Типовое занятие: учить грамоте других, давать уроки. Участвовал в первой мировой войне На русско-турецком фронте. Был ранен.

ИВ: Участвовал как моряк?

ГА: Нет. В пехоте. Пошел добровольно, чтобы потом описать свои впечатления. Но его ранило. Вернулся в Баку.

ИВ: Механиком он стал до Первой мировой войны?

ГА: Да. У отца была, наверное, интересная жизнь. Быть журналистом в первые послереволюционные годы вообще, наверное, было интересно. К сожалению, мы больше говорили о книгах, чем об авторах. Где-то на окраинах памяти я отмечал, что было бы интересно расспросить его о ранении.

Русские войска воевали на турецком фронте так же, как и на западном: с помпой подготовленное наступление, много шума, треска, а потом войска стоят на одном месте, ждут, пока их трахнут. Их трахают и они неорганизованно отступают... На отца произвело очень сильное впечатление отступление. Его ранило в самом начале отступления. Он рассказывал, что осталось человек шесть-семь от взвода, в котором отец служил вольноопределяющимся, "вольнопером" (тот же солдат, нижний чин, но имеющий некоторые поблажки вне строя). Так вот, остатки взвода отходили на заранее неподготовленные позиции. Нужно было уйти как можно дальше, чтобы турки не могли ночью догнать. Он рассказывал, что они три дня бежали. Отбежали от турок довольно далеко. У него очень болела раненная рука, а лазарет отставал. Надо было добираться самому. И вот заночевали они в каком-то сарае, и ему снится (это он потом узнал, что только снится) султан. Султан очень сердится, что он полез на его империю, ругает его, вращает белками глаз и т.д., и сильно давит своей ногой ногу отца. Когда давление стало невыносимым, отец проснулся и увидел, что корова наступила ему на ногу. Вот такие были героические эпизоды. Отец имел какую-то медаль за эту войну и за свое ранение. Но царские медали были не в почете, поэтому я ее не видел, отец только раз упомянул, что это был Георгий.

Может быть, военный опыт передается генетически в какой-то степени. Я заметил, что у меня определенные способности к отступлению. Какие бы, близкие к военным, задачи ни приходилось решать, я прежде всего тщательно продумывал пути драпа...

Ну, что было дальше? Вернулись и Баку Жили мы на улице Кецховели, 113. Снимали квартиру. Родственники обитали по соседству, в доме 117. Отец считал, что это гадючник. Формально мать простили, отца терпели, меня игнорировали. Религиозно-мещанская семья. Надо было вести себя определенным образом, дабы не оскорбить религиозные чувства. У отца родственников не было. Отец работал в разных местах. Это была эпоха

переделов, перестроек. Возникали то одни, то другие организации. Потом эти переделы и перестройки перешли на личный состав служащих.

Помню, одно время отец работал в каком-то военно-издательском заведении. Тогда был так называемый всевобуч - всеобщее военное обучение. Занимались после работы. А издательство выпускало книги, инструкции, памятки, фотосерию, стенды. Как-то отец принес домой наглядное пособие - винтовку для обучения штыковому бою. Учебная винтовка, без единой металлической части, выполненная в масштабе 1:1 из деревяшки и с гибким штыком. С той поры у меня появилась некоторая неприязнь к оружию механическому.

Отец и мать много разъезжали. С каждым годом все больше и больше. Совсем одного меня не оставляли. Мы же снимали квартиру, точнее две комнаты в квартире со множеством проходных комнат. Их было 4 или 5, проходных, вытянутых в одну линию. В одном месте было ответвление, там находилась комната старушки хозяйки, с лампадками, с иконами... А остальное сдавалось.

Когда родители уезжали, за мной присматривала хозяйка, Елизавета Николаевна, вдова чиновника. У нее остались книги от мужа. Время от времени мы вели с ней научные дискуссии - зачем распяли Христа и виноват ли я, лично, в том, что Христа распяли.

Я думаю, что мне крупно повезло, что я вырос в этом дворе, на улице Кецховели, 113. Снимали квартиру там до 1939 года.

Вообще двор был хороший. Я затрудняюсь сказать, что именно начало формировать характер. Книжки, которые я читал, начиная понемножку их понимать, или окружение во дворе... Дело в том, что окружение было своеобразное, соревновательное. Если у одного что-то появлялось, другой старался его на этом поприще переиграть. Например, один начинал играть в шахматы. Был парень, который выносил шахматы во двор и с героическим видом приглашал сразиться с ним. Полмесяца он держал первенство, а потом, дабы досадить ему, остальные поднимались на его уровень. Тогда шахматы забрасывались и появлялся велосипед. Все обзаводились велосипедами и начиналась велосипедная горячка. Потом вдруг кто-то получал пятерку по рисованию и организовывал кружок рисования. Потом фотографирование.

Неважно было чем заниматься, важно было быть первым в том, чем ты занимаешься.

Я был самым младшим по возрасту в этой компании. На год, на два младше остальных, и мне было труднее пробиваться. Видимо, тогда я впервые пришел к мысли, которой потом придерживался всю жизнь. Дело в том, что на велосипеде лучше ездил один, в шахматы лучше ездил другой и т.д. Я воочию убедился, что нет у меня выдающихся способностей, к сожалению, которыми можно было бы хвастнуть, козырнуть. Хотя бы в масштабах двора, для начала. Я сделал второе открытие - когда человеку считаешь что-нибудь, то все желания переходят в другую плоскость и здесь результаты зависят от предварительной подготовки. Не от природных данных человека, а от того, как человек подготовился к этому делу. Не скажу, что эта мысль четко сформулировалась, но она прорезалась.

ИВ: Т.е. если у вас были какие-то соревнования, то ясно, что появится любая область, и со временем появится человек, который опередит тебя. По идее, надо все время менять область.

ГА: Менять область?... Нужен метод. Для меня таким методом стали книги. Наиболее развитый парень, по имени Боба-Октябрь. Папа прокурором был, шибко революционный, эпоха такая была.

ИВ: А почему Боба?

ГА: Нельзя же каждый раз говорить Октябрь. Родители звали Боба. А моя первая подружка, сестра Бобы, по метрикам именовалась Ревмирой, т.е. Революцией Мировой...

Так вот, Боба-Октябрь имел могучее телосложение, мощные кулаки. Во всяком случае, так мне это тогда представлялось. Если спор складывался не так, или какое-нибудь соревнование не так получалось, то он предлагал изменить правила. Спорить с ним было трудно. Что можно было сделать, если он на три года старше? Историческая несправедливость, как ее исправить...

Мне кажется, что вот к этим годам относится и первое рацпредложение. Это была эпоха красивых революционных праздников. Все стремились попасть на праздник. Первое мая, годовщина Октябрьской революции. 18 марта - день Парижской коммуны, нерабочий день. Демонстрации длились часов до шести-семи вечера. Улицы были полны народа. Веселье было искреннее. Ужасно интересно было ходить в такие дни по улицам, потому что масса макетов, карикатур, всяких кукол капиталистов... Вот с туалетами было плохо... Потому что с туалетами было вообще плохо. Мало их было в городе, город быстро рос. В праздники народ набивался в центральную часть города - на всю ширину улицы. От стенки до стенки. Поэтому с туалетами было, можно сказать, нетерпимо. Граждане норовили проникнуть в дома, в парадные. Но квартиросъемщики и жители заранее готовились к отражению, потому что потом за неделю не уберешь. Выставляли рогатины, колючую проволоку; - чем могли запирали.

Вот тогда у меня и появилась мысль сделать передвижной туалет в виде прицепа к автомобилю. Я решил сделать модельку. У меня был набор детских инструментов, - отец купил. Я из пластилина вылепил все нужные детальки и торжественно предъявил все это отцу. Отец сказал, что это слишком хорошо, чтобы быть новым. Я возмутился. Это же я придумал!... Я стоял на улице, задумался и придумал... Он поискал в книгах и нашел в книжке по архитектуре парижский вагончик такого образца. Это произвело на меня сильное впечатление. Я понял, что не так просто - сделать изобретение.

Чуть позже, примерно на год, у меня было еще одно неудачное изобретение. С помощью того же набора инструментов я решил делать подводную лодку. Во дворе господствовали эпоха корабликов... Ну чем можно выпендриться? У всех были парусные корабли, лучше я не мог сделать... Сделал подводный, беспарусный.

Я сделал деревянный корпус, взял сверло и стал в корпусе делать сверху дырки, в расчете, что чем больше я в эти дырки налью воды, тем сильнее он погрузится. Поначалу все шло так, как я рассчитывал. Чем больше воды я наливал, тем сильнее корпус оседал, но как только он осел до поверхности воды, погружение прекратилось. Я стал вертеть новые дырки. Наконец, в деревяшке не осталось живого места от этих дырок. Тогда я соединил дырки в одну большую дыру. Но лодка все равно не тонула. Я понял, что открыл нечто подобное закону Архимеда. Какие-то выводы я для себя сделал. Вывод не относился к физическим эффектам и явлениям. Вывод был проще - надо думать, прежде чем что-то сделать.

ИВ: Это все до 1939 года?

ГА: Задолго до 1939 года. Где-то в 1933 году меня отдали в школу. На четвертый день мне велели привести родителей. Я страшно боялся. Провинность состояла в том, что я не слишком усердно рисовал палочки. Пришла мать, ей сказали, что я знаю азбуку. Она ответила, что я книжки читаю. Это была святая правда, я уже читал книжки и довольно бегло писал. В первом классе мне делать было нечего. Порядки в школе были демократические. Матери объявили, что если она не возражает, меня переведут во второй класс. Она согласилась. Третьего класса она испугалась. В общем, родители посоветовались и меня перевели во второй класс. С этой командой я проучился до седьмого класса.

Здесь опять действовал принцип соревновательности среды. В этом классе все были старше меня, все были очень способные. А верхушка класса была, что называется, вундеркинды.

С двумя парнями я особенно подружился. Одного из них, Ильюшку Тальянского, я потом описал в рассказе "Ослик и аксиома" - это Антенна, псих в лучшем смысле этого слова. Человек, чокнутый на радио. Мастерил радиоприемники из самых неподходящих вещей. Целиком был погружен в это дело. Каким-то чудом переходил на тройках от класса в класс.

Был еще Яшка Буль, Ближайший мой друг. Он был всесторонне одаренный. Бывают такие натуры. Редко, но бывают. Начитанный, музыкальный. Его с детства учили музыке, он охотно учился. Блестяще рисовал. Я не знаю, кем бы стал Яшка Будь. Он умер совсем молодым. Ему было 18. Его взяли в армию, в тбилисское артиллерийское училище. По версии начальства - какое-то острое заболевание. Мать вызвали телеграммой, она приехала. Я не знаю, что там такое могло произойти. Яшка был умница. Может быть, самый яркий из нашей компании.

А у меня был медленный набор высоты. Пятый класс. Я нахулиганил на уроке литературы. Мне скучно было писать сочинения на темы из Горького, я их писал в виде оперетт.

Отец в газете вел колонку обозрения оперетты. Мы часто бывали на представлениях, отец по работе, а я с ним. Сочинение я написал в виде оперетты. Это было кощунство и хулиганство, но я по глупости этого не понимал. Я ожидал очередного скандала (это было почетно) на уроке литературы. Литературу вела Тамара Андреевна Серебрякова, очень умная преподавательница. Она сказала: "Ну почему ты так плохо написал?" Я гордо ответил, что мне скучно писать одно и то же. "А что бы ты хотел написать?" - спросила она. К этому времени я начал читать Жюль Верна. Я естественно, сказал, что если бы мы проходили Жюль Верна... Я тогда успел прочитать книг шесть или семь. Тамара Андреевна сказала: "Щенок, у Жюль Верна больше ста романов, а ты прочитал каких-то шесть книг и уже хочешь писать сочинение по Жюль Верну..." Было жутко обидно. Хихикали девочки, ради которых я, собственно, и старался. Учительница сказала: "Вечером придешь ко мне домой, вот адрес; получишь Жюль Верна, будешь читать, потом напишешь домашнюю работу по Жюль Верну". Вечером я увидел три шкафа, битком набитые Жюлем Верном, Уэллсом, Фенимором Купером. Масса фантастики, приключений... У меня глаза разбежались. Я спросил: "Это можно взять?" Тамара Андреевна сказала: "Это нужно взять". "Сколько?" - спросил я. "Сколько унесешь". Я набрал десяток томов и унес домой.

Ильюшке Тальянскому на день рождения подарили "80 000 километров под водой" в прекрасном подарочном издании. Он не читал и другим не давал читать, пока я не соблазнил его каким-то радиохламом. Я собирал по всему двору какие-то провода,

изоляторы... Полный шкаф набрал. Когда я ему все это принес, он пошипел, пошипел и сказал: "Книгу даю на два дня".

Я прочитал "80 000" и понял, что жить на белом свете надо как жил капитан Немо. Немо стал идеалом, эталоном. Поскольку я начал это все перекладывать на практические рельсы, то определилась и судьба: надо закончить школу, стать морским инженером и строить подводные лодки.

ИВ: От отца по наследству перешло. Вы рассказывали, что у него была морская специальность, книги. Один к одному.

ГА: Книги... Нет, вначале было море. В Баку тогда купались в центре города. В середине Приморского бульвара, там, где Девичья башня, был деревянный пирс, он уходил метров на пятьсот в море. Широкий и огромный. У пирса стояли большие парусные корабли. Потом пирс раскалывался, как цветок раскрывался, на две половины и упирался в купальный городок, построенный в мавританском стиле еще в 1912 году, перед самой войной. Розовая краска, желтая, белая. Много мозаики, и башенки... Сказочный город! Причем функционально это все было здорово придумано. Правое крыло было мужским, левое женским, а посередине всякие процедурные.

И.Верткин спросил о школе.

ГА: Я учился в 44-й школе. Она и сейчас есть, но у нее менялись номера, был восемнадцатый, еще какой-то. Школа добротная, она и при царе была. Это примерно возле горотдела милиции.

Так вот, в начале было море. Все мальчишки с нашего двора пропадали на этом пирсе. Сезон начинался в середине мая. Смога тогда не было, вода в бухте была очень чистая. Бассейны: открытый и закрытый. Т.е. открытый бассейн - это просто лестницы, иди и купайся. Для тех, кто не умел плавать, - закрытый бассейн с искусственным дном из досок, вода проточная.

У меня во дворе появился соперник - мальчишка моего возраста, откуда-то из деревни. И уж перед ним-то выпендриться сам бог велел. Я городской, он деревенский. Я давно в этом дворе, он недавно. Я давно в Баку, он недавно. Я давно хожу в купальню, он недавно. Дрались каждый день... Как-то подрались и в очередной раз перестали разговаривать. Вдруг, я смотрю, он перелезает через забор купальни и начинает плавать один. Там, где глубоко!

Формирующая способность у соревновательной среды потрясающая. Через две-три секунды я сам пошел на штурм забора. Нельзя было уступить, ну никак нельзя!.. Я перелез через забор и оттолкнулся... Впереди было открытое море! По инерции проплыл до ближайшей сваи, обхватил ее. Отдохнув, поплыл к следующей свае. Но свая почему-то оказалась в стороне, и я тихонько пошел вниз, заметался между сваями...

Словом, через три дня я уже прекрасно плавал. Я уходил в купальню утром, приходил вечером. Мать возмутилась таким образом жизни - и послала с инспекцией отца. Отец легкомысленно отнесся к этой затее. Он пришел, посмотрел, как я исполнил показательные два-три заплыва метров на десять. На этом испытания закончились.

...С моря все началось. К морю добавились Жюль Верн, соревновательная среда, девочка по имени Ревмира... Постепенно образовалась гремучая смесь. Мне казалось, что это

нормальная жизнь, я не подозревал, что идет формирование характера взрывного типа. Нет, не просто взрывного, а настырно-затяжно-взрывного типа.

Это, наверное, важные компоненты, но не единственные. Огромное влияние оказали родители. Они не занимались моим воспитанием, - у них вечно не хватало времени (точнее, была слишком интересная своя жизнь). Мать была журналисткой. Иногда она работала в Баку, а иногда уезжала вместе с отцом. Отец много ездил. Я не сказал, отца звали Саул Ефимович, мать Ревекка Юльевна. Отношения у них были идеальные. Во всяком случае, с современной точки зрения семья была идеальная. Мое воспитание шло своим чередом, хотя и неощутимо. Были диссонансы иногда. Например, мать решила, что я должен овладеть музыкой. Во дворе жила старушка-музыкантша, дававшая уроки. Меня привели к ней. Она отстучала что-то на крышке пианино и попросила повторить. Я старательно отстучал нечто совершенно непохожее на то, что услышал. Она сказала: "У него абсолютный слух". И очень убедительно добавила, что нельзя зарывать талант в землю, что надо учиться, что я - великое будущее музыки... Я на нее нехорошо посмотрел: насчет "великого будущего музыки" тут был явный перебор. Однако мать твердо поверила старой учительнице. Отец не вмешивался в это дело.

Надо сказать, что у меня было счастливое детство. Эпоха была грозная, жили мы не очень складно - не было своей квартиры. Да и время было мрачноватое. С разоблачениями, арестами, расстрелами... Все это создавало угрюмый фон. И все-таки детство было счастливое! В общем я делал все, что хотел, было очень много свободного времени. Уроки я делал в школе, по ходу дела. Занятия в школе отнимали у меня немного времени. Я держался все время на четверках - честных, добротных, заслуженных. Но я знал, что приду из школы - и у меня весь день в моем распоряжении. Каждый день был жутко интересный. Летом - море. Зимой и осенью - книги. Летом тоже книги, я брал их с собой на солярий. Масса влечений. А тут еще музыка, которая вырубала кусок жизни...

Я начал бороться за независимость - против музыки. Борьба шла поэтапно. Сначала я пытался элементарно обдурить учительницу музыки. Мы проходили гаммы, она была подслеповата, я нахально писал химическим карандашом цифры на клавишах пианино. Клавиши за несколько дней стали фиолетовыми. Пришлось придумать более радикальный способ - тогда я привязал себя к кровати в углу комнаты прочно стояла кровать, припертая огромным массивным шкафом. Я достал ремни для багажа, забрался под кровать и, насколько мог, прочно привязал себя к дальней ножке. Мать пыталась дергать меня за ноги. Никакого результата! Ремни еще туже затягивались. Тогда она сняла постель, перину, матрас и начала прогнозировать мое ближайшее будущее. Хотя я впервые увидел потолок в крупную клетку, тем не менее я не вылезал оттуда и сидел до последней возможности... Уроки музыки начали срываться.

Не помню на какой - второй или третьей попытке привязки появился отец. Он застал боевую картину: я под кроватью, мать со шваброй. Сказал мне, что я дурак (тогда я не понял этого), однако распорядился оставить меня в покое, и уроки музыки прекратились. Музыкантом бы я не стал, но от музыки жизнь была бы богаче и интереснее.

После того как я получил в школе Жюль Верна, а потом Уэллса, а потом журналы "Мир приключений", я стал писать сочинения на эти темы. Образ капитана Немо. Образы ученых у Уэллса, у Жюль Верна. Чем отличаются ученые Жюль Верна от ученых Уэллса. Рутинные формы школьных сочинений наполнились новым содержанием.

ИВ: А кто-нибудь еще запомнился Вам из школьных преподавателей?

ГА: Еще бы! У нас преподаватели были яркие. Прекрасная преподавательница физики - Светлана Михайловна. Многие уроки запомнились. Как-то она пришла и сказала, что будем изучать, как движется электрический ток по проводникам, от чего зависит сопротивление. Спросила: "Как вы думаете, от чего зависит сопротивление?" Она сравнила электрический ток с движением людей на улице. Мы вывели так закон Ома. Сейчас это называется проблемным обучением. Это и было проблемным обучением в самом талантливом исполнении. У Светланы Михайловны был богатый набор таких приемов и методов.

Запомнились преподаватели истории, биологии. Все преподаватели были хорошие. У меня не было способностей не только к музыке, у меня было феноменальное отсутствие способностей к иностранным языкам. Это было ужасно! Я не мог заставить себя выучить четыре строчки какого-нибудь стихотворения...

Если был алгоритм понимания, я справлялся легко. Если надо было что-то механически заучить, это было для меня почти непреодолимым препятствием. Я начал хватать двойки по азербайджанскому языку. Вызвали мать. Мать решила нанять репетитора. Школьный преподаватель предложил в качестве репетитора своего коллегу. Дал адрес, мы пришли. Дверь открыл карапуз, на голову ниже меня, За ним стояла, на полторы головы выше меня, восточная красавица, его жена. Я не очень удивился этому диссонансу, меня поразило другое. Я впервые увидел квартиру, все стены которой - до потолка! - были полностью забиты книгами. Пока мать вела дипломатические переговоры, я нашел томики "Тысячи и одной ночи". Взял один том, погрузился в чтение и решил, что буду изучать азербайджанский язык очень усердно: приходить пораньше, уходить попозже...

Репетитор учил меня своеобразно. Сначала был допрос. Когда я пришел на первый урок, он сказал, что занят, и предложил мне пока повозиться с книгами, а сам между делом начал расспрашивать. Диагностика была самая серьезная (о чем я тогда не подозревал). Он узнал, что меня интересует, и увидел слабое место - историю. Так и было, историю я любил с детсадовских лет. Более того, он сначала объяснил логику исторического развития; линия логическая была такая: история, история Востока, история восточной литературы, история азербайджанского языка, - это вступление, логика появления предмета. Мне стало интереснее... А Учитель начал копать дальше. Опытный преподаватель, умный человек, он быстро нащупал основную опору: я хотел стать моряком. Ради этого я готов был выучить и китайский язык. Учитель сказал, что моряк должен знать двенадцать языков. Я обалдел, почему двенадцать? И он начал перечислять. Я уже не помню, какие языки он перечислял, но получилось у него двенадцать.

ИВ: Включая азербайджанский?

ГА: Да. Он назывался тюркским языком. Чтобы стать моряком, необходимо было кроме специальных предметов знать многое: математику, географию. Это мне легко было. Но чтобы двенадцать языков... Я сказал, что хочу стать военным моряком: пушки не требуют перевода.

Учитель настаивал: профессионалу нужно знать двенадцать языков...

ИВ: А книги у него были на русском языке или...

ГА: На разных языках. На английском. Он был очень широко образован. Человек типа Ахундова и других просветителей, воспитывавшихся в царских гимназиях. Очень

интеллигентные, без малейшего вульгарного национализма, прекрасные педагоги по призванию.

ИВ: Ваш Учитель говорил по-русски?

ГА: Абсолютно чисто. Великолепно знал русский язык. Фамилию моего школьного преподавателя я не запомнил, а фамилию Учителя помню и сейчас, спустя полвека - Векилов.

Вообще все было так интересно. Даже, так сказать, огорчительные стороны, скажем, неумение справиться самостоятельно с языком, приводили к открытию какого-то нового мира. Хулиганские выходки на литературе привели к тому, что я стал здорово "чувствовать" фантастику, читал ее регулярно. Вообще, надо сказать, что соревновательная среда, нормальная домашняя обстановка и постоянно перечитываемый Жюль Верн, плюс школа тех времен... Все это способствовало очень быстрому развитию.

Ну вот, я ходил купаться. Рядом на пирсе там находилась детско-юношеская флотилия. Пароход, кружки. Поступил туда. Там был возрастной ценз, и я с трудом пробился в школу плавания. Выучился стильному плаванию. Плавал хорошо, прыгал хорошо.

ИВ: Это в каком классе было, пятом?

ГА: Это были четвертый, пятый, шестой классы.

ИВ: А летом?

ГА: Платная школа работала летом, остальные кружки морские работали круглый год. Решающее воздействие можно определить как сумму самых разных импульсов: чтения, плавания, соревновательной среды во дворе...

Мать и отец часто уезжали. Меня надо было куда-то спихивать на время отъезда. Иногда оставляли на квартирную хозяйку, иногда на соседей. Надо сказать, что во дворах тех времен трудно было помереть с голоду. Виноград в изобилии рос во дворе, хороший виноград. На солнце сушились почти бесхозные связки воблы, а одну тарелку супа всегда можно было получить, придя к кому-нибудь в гости. Но матери этого показалось мало, и она решила оставлять меня под присмотром Лаврова. Лавров - спившийся художник-профессионал. Окончил Академию художеств. Как он выглядел? Вид у него был как у персонажа пьесы Горького "На дне": босой, лохматый, нечесаные волосы, борода, холщовая рубаха.

ИВ: Какого он был возраста?

ГА: Лет за пятьдесят, хотя похож был на глубокого старика. Уезжая в очередную командировку, мама оставляла ему деньги в надежде, что он будет меня подкармливать, и, сочувствуя ему тоже, считала, что он будет при деле. Лавров действовал просто. Он напивался сразу после отъезда матери и три дня пил, пока хватало денег. Потом я был предоставлен самому себе (это были счастливые три дня). Мы продавали бутылки, и у нас было еще на два дня. А уже потом нам нужно было добывать на пропитание. Это меня раздражало, потому что отнимало много времени. Художник он был могучий, конечно.

ИВ: А он вообще рисовал что-то?

ГА: Он рисовал на заказ, ему приносили фотографии, а он перерисовывал портреты. Типичная халтура! Но по рассказам он был хорошим художником. Меня раздражала эта развилка. И однажды я ему сказал: "Какой же вы художник?" Сказал жестоко, безжалостно. Все это уже прошло, а тогда я был голоден... "Вы давно уже разучились держать кисть в руках". Я наговорил ему хамских вещей, при этом стоял у двери, чтобы проще было удрать, если он вздумает драться. Он сказал: "Ну хочешь, я напишу тебе что-нибудь?" "Напишите", - сказал я. "Что? Вот сам выбери, и я напишу".

Тогда я сказал, чтобы он написал ночное небо. Я понимал, что нарисовать ночное небо - это одно из самых трудных заданий. До следующего вечера он готовился, не пил, только пивка немножко. Был задумчив, расчесывал бороду обломком гребешка. Собирал краски. И вот вечер начался с сеанса. К моему удивлению, он не пошел смотреть на небо, а начал писать. Работал он долго. Я уснул, потом проснулся - он писал, потом я снова задремал. Долго было все это: часов пять-шесть. Он нарисовал облачное небо. Облака расступились, и в просвете облаков была видна луна. И звездочка была недалеко от нее. Вот и все, что было нарисовано. Лавров жаловался, что у него нет тех красок, которые нужны, что чего-то еще не хватает. Но рисунок был потрясающий. Когда я проснулся и увидел готовый кусок...

ИВ: Большой?

ГА: Нет, как почтовая открытка, ну полторы почтовые открытки примерно. И он обессилел, он сидел, смотрел на этот фрагмент и больше ничего не мог сделать. Ну что можно сказать?... Можно было делать из этого выводы: первый, второй, третий, четвертый... Но я никаких выводов не делал. Они пришли сами собой, независимо от меня. Я видел только, что творчество - это труд. Я прожил несколько дней возле этого художника. Я видел, что в результате пьянства погублен несомненный талант. Я не мог все это объяснить. Но для меня даже стакан пива, обыкновенного пива, стал отравой.

ИВ: Любовь к природе... Ведь, в общем, цели как таковой тогда еще не было. Была любовь к природе, была любовь к литературе, была, как вы сейчас говорите, боязнь алкоголизма, соревновательность и желание быть первым.

ГА: Вот, если пытаться ранжировать, то, прежде всего - это мнение родителей. Для формирования творческой личности необходимо принимать во внимание, например, возраст. Самым благоприятным периодом для формирования творческих качеств, мне кажется, является детство. Детство должно протекать в таких условиях, когда есть много свободного времени и мощные стимулы для творчества. Соревновательная среда плюс настоящие учителя в школе - это, мне кажется, самое важное. Домашняя обстановка. А дальше..

Я хочу сказать, что много линий начиналось и обрывалось, Я очень любил животных. Было много душещипательных историй... Мы уезжали летом в Нальчик. В одну из таких поездок я подружился с бродячей собакой, привел ее на дачу. Был гранд-скандал. Все лето я был неразлучен с собакой. Это осталось на всю жизнь, но это не сформировалось в какую-то отдельную линию развития. Я не стал биологом, не стал защитником "братьев меньших" и т.д. Просто - факт личной жизни. Собака... Большая трагедия была, когда нужно было расставаться с ней. Звали собаку Шалава...

ИВ: А как вы познакомились с ней?

ГА: Как я познакомился... Соседи знали бывшего хозяина, а кличка была известна. Но, как видите, биологом я не стал. Председателем правления районного общества защиты животных тоже не стал. Но жизнь была беднее без Шалавы.

Вот другая линия. Это было время северных перелетов, время папанинцев, полярников, зимовщиков и т.д. Было очень много книг по истории освоения Севера. Отец увлекался этим, давал мне их читать. Кроме того, например, когда я говорил, что хочу обедать, то мог услышать в ответ: "Какой еще может быть обед?! Будущий полярник должен уметь по пять суток обходиться без пищи..."

ИВ: Это была какая-то система подготовки к неизбежным трудностям?

ГА: Я думал над этим. Сейчас я могу забыть некоторые варианты, но я думал над этим по свежей памяти. Общий вывод такой. Это было довольно хаотичное воспитание. Но базирующееся на простых принципах: Все доступно, если основательно потрудиться. Жить стоит в том случае, если ты умеешь что-то хорошо делать. Чем лучше ты умеешь делать свое дело, тем интереснее будет жить.

ИВ: А что значит само понятие "потрудиться"? Потрудиться - это значит сделать что-то новое? Так воспринималось?

ГА: Примерно так. Мне твердили: жизнь имеет смысл если ты что-то сделал для людей. Что-то большое, что-то значительное, вроде бы открыл Северный полюс... А для этого нужна основательная подготовка, нужны знания, нужно готовиться, готовиться, готовиться, готовиться... Все эти линии и перекрещивались, сходились здесь. Более того, я видел, что отец так работает. Он мог днями неделями работать над маленькой газетной заметкой, над большой статьей для журнала. То есть я вырос в условиях антихалтуры. И хотя мне было понятно, что антихалтура - это трудный путь, но это был единственный достойный путь. Тут выбора нет.

ИВ: А вы помогали отцу в работе?

ГА: Нет. Отец потерпел неудачу, пытаясь сделать из меня журналиста-полярника. Пытался увлечь полярной литературой... В те времена из школы можно было попасть в любой вуз. Но я категорически не принял этого... Тогда он пытался сделать из меня летчика. Это было второе знамение времени. Безмерно популярны были перелеты Чкалова, Громова, Байдукова...

ИВ: Ну и как из вас делали полярного летчика?

ГА: Отец принес какой-то купленный в магазине набор для сборки планера. Я не выразил восторга, он обиделся. Рассердился, что бывало очень редко. Сказал, что я оболтус. Он меня никогда не бил, только один раз, когда я соседскую девочку обозвал проституткой, не понимая подлинного смысла этого слова. Ее родители пожаловались моим родителям, и он тогда налупил меня крепко. Это был единственный случай... Они ушли в кино и заперли квартиру. Старушка ушла куда-то по своим делам. Она была религиозной, ходила часто в церковь. Я остался один в запертой квартире. Выйти было невозможно: окна на решетке, массивная дверь заперта...

ИВ: А зачем они вас заперли?

ГА: Для наказания. Все во дворе гуляют, а я... Отец распорядился, чтобы я собрал эту модельку, пока он придет. Но это был ошибочный педагогический ход. Противоречие: надо было собрать модель, чтобы покончить с этим инцидентом, и не хотелось, потому что не было желания. Я обошел противоречие: собрал модель, но не ту модель, которую он принес из магазина. А другую. Взял лист ватмана и начал клеить свою композицию. Я никогда не увлекался авиацией: ни тогда ни позже, когда учился в авиационном училище. За всю жизнь было десять минут увлечения авиацией, когда я пытался запустить эту модель. Мотора она не имела, ее надо было просто кидать рукой. Комнаты, соединенные вместе, образовывали достаточно длинную трассу. Я без особого интереса пустил модельку первый раз, и она так красиво и плавно, чуть-чуть покачиваясь, с набором высоты полетела, поднялась и плавно опустилась... Это произвело на меня очень сильное впечатление. Но на десять минут, не больше. Назавтра мне хотелось строить "Наутилус" и быть капитаном Немо...

Вот такие линии были, они развивались, гасли, опять возникали. Но линий было много. Может быть, искусство преподавателя (нет, не преподавателя, а воспитателя) состоит в том, чтобы формировать пучки таких линий.

Часть вторая

Я сам спрогнозировал свое будущее. Закончу школу, пойду в военно-морское училище и буду военно-морским инженером, буду военным моряком - это первое.

Я много читал. Родители приучили: если хочешь чем-то заниматься, ничего не решай, пока не прочитаешь много книг. Читай очень много, каждый вечер. Тогда и решишь твой вопрос - в ту или иную сторону. Я прочитал много книг про подводный флот, подводную войну, подводные лодки, про спуски на большие глубины.

ИВ: Про Пикара вы тогда же узнали?

ГА: Про Пикара я узнал позже и... раньше. Давно знал, что Пикар - изобретатель, построивший стратостат, а в 1947 году появились сообщения, что Пикар строит "подводный стратостат" - батискаф. Была статья о том, что известный исследователь стратосферы заявил о своем намерении достичь предельных глубин океана. Постройка намечалась еще в тридцатые годы, но началась война... Продолжал Пикар в сорок шестом, и в сорок седьмом батискаф был построен.

ИВ: А вы в это время?..

ГА: А я в это время ходил во Дворец пионеров... Тут опять-таки возникают и пересекаются разные "линии судьбы": благоприятная среда, благоприятное окружение создают какие-то линии, но они могут не собраться в пучок. Потому что здесь уже не играет роль воля и желание человека, а нужны еще какие-то подходящие внешние обстоятельства. И вот у меня эти внешние факторы "собрались". Попал во Дворец пионеров. По тем временам - сверхпоказательный, сверхобразцовый.

ИВ: В каком классе вы тогда учились?

ГА: В шестом. Я сразу записался во Дворец пионеров; записаться, конечно, было трудно. Находился Дворец там, где позже находился мемориал 26 Бакинских Комиссаров. Старое здание, красивое.

Кружки были фантастически оформлены, например: морской кружок - в виде рубки корабля. Оборудование было шикарнейшее! В общем, великолепно все... Поступить туда было очень трудно. Собеседование... По тем временам необычная вещь... Я попал в военно-морской кружок. И еще один человек оказал на меня большое влияние. Это капитан дальнего плавания руководитель кружка Николай Андреевич. Как всякий старый моряк, он умел и любил рассказывать. О путешествиях, о поездках, о приключениях на море... Я не знаю, насколько он рассказывал "от себя", а насколько из литературы, это неважно. Важно то, что рассказывал он превосходно, а слушателей у него не было, кроме меня.

Довольно случайный набор в нашем кружке оказался. Пришли, позанимались, как морские узлы вязать. А потом объявляют, что будет кино. Все засобирались в кино, а я остался с Николаем Андреевичем, он кино не любил. Кино, концерты, танцы. Каждый вечер во Дворце что-то было...

А я остался и обеспечил капитану безотказную аудиторию.

Он рассказывал романы. Начиная, например, рассказывать о минах, продолжая как бы прерванный урок. Рассказывал о типах мин в первую мировую, гражданскую войну. Приключения с минами, траление мин, мины в Балтийском море, мины в Средиземном море. Он несколько часов мог рассказывать истории, связанные с минами.

ИВ: Это был рассказ для отвода души или это был рассказ преподавателя?

ГА: Он начинал как преподаватель, всегда был привязан к теме, а потом увлекался... Бывало, с ним происходило то же самое, что с художником Лавровым. Он начинал рассказывать "для себя".

Николай Андреевич был исто моряк. Жанр его рассказов был, когда он выходил на режим авторотации, как у капитана Врунгеля. Временами он спохватывался, прикрывал кран крутой терминологии. Иногда решал какие-то задачи, дотошно расспрашивая "задачедателя"...

ИВ: То есть вы были для него как юнга на корабле, а он как старый морской волк рассказывал вам, как следует держать службу.

ГА: Он рассказывал о своей службе. Был такой писатель Лухманов...

ИВ: А этот Лухманов тоже был капитаном?

ГА: Да, капитаном дальнего плавания. Первый капитан шхуны "Товарищ" в 20-е годы. Это была учебная шхуна. Лухманов написал несколько блестящих книг, я их читал. Жутко интересные книги. "Двадцать тысяч миль под парусами"..., Как и Лухманов, мой Николай Андреевич рассказывал преимущественно истории из своей жизни. Нечто среднее между произведениями Лухманова и Конецкого. Иногда это были задачи, или рассказы превращались а задачи. Например, как просигналить на корабль, если нет сигнальных флажков? Морская наука... В ней много забавных моментов. Вот так прошел шестой

класс, и, казалось, жизнь наладилась. Отец, казалось, примирился с тем, что я все больше и больше "оморячиваюсь". Мать тоже примирилась с этой мыслью.

ИВ: То есть вы нашли свою область?

ГА: Я нашел свою область. Я начал специализацию. Я стал еще лучше заниматься в школе, потому что в стране было только одно инженерное военно-морское училище.

ИВ: Вы себя четко нацелили?

ГА: Да, выработал план в шестом классе: вот я закончу десятый класс и пойду в "дзержинку" - высшее военно-морское училище.

ИВ: А со двора вас пытался кто-то догнать, обогнать?

ГА: Нет, разошлись пути. Боба готовился в мединститут, другой парень тоже медиком собирался стать. Это у него по наследству - дед врачом был.

ИВ: То есть к шестому классу у вас более или менее все определились... Кстати, это еще одна ранняя специализация?

ГА: Да, включая понятие соревновательной среды.

ИВ: Это ведь не просто соревновательная среда. Это соревновательная среда с силами заведомо превосходящего противника.

ГА: Да, когда надо выкручиваться, искать свой путь...

ИВ: Свой путь, причем заранее зная, что они выигрывают, они старше, они физически здоровее, опытнее, более знающие. Они прожили... Если человек прожил всего десять-пятнадцать лет, то каждый год это очень много.

ГА: Ну, вот это было в шестом классе. А летом, по-моему, в конце шестого класса или в самом начале седьмого, не помню точно, произошла такая история. Да, это был седьмой класс, раз химия, то это седьмой класс. Кто-то прибежал к нам в класс и сказал, что открывается новый кружок во Дворце пионеров. Нефтехимический! "Если сейчас мы все побежим, то можно успеть." Все засуетились, я тоже почувствовал непреодолимую силу притяжения к нефтехимии и сразу примкнул к "беглецам".

ИВ: А вам это зачем? Вы были в морском кружке...

ГА: Побежала девочка, к которой я был равнодушен. Я побежал за девочкой.

ИВ: И девочка вас завела?

ГА: И девочка завела в химический кружок, - который был не нужен ей и не нужен мне. Вышки, нефть, нефтеперерабатывающие заводы - все это было жуткой прозой по сравнению, скажем, с подводной лодкой У-21. Ну, в общем, я оказался в химическом кружке. По уставу Дворца пионеров не разрешалось быть в двух кружках, и мне предстояло увольнение... Если бы поймали... Но расписание позволяло два раза в неделю быть в одном кружке и два раза - в другом кружке. Я спокойно переходил из кружка в

кружок, занимая нейтральную позицию к химии. Здесь был совершенно другой преподаватель - Халыг Кадырович Дадашев, азербайджанец.

Не знаю, то ли он гениально придумал систему приемов для "втягивания" в химию, то ли у него просто так получилось, не знаю. Он не пытался напрямую никого из нас заинтересовать химией. Это было бы бесполезно, химией никто не интересовался. Весь народ был здесь случайный.

ИВ: То есть все, кто пришел, сидели из-за танцев?

ГА: Из-за танцев, из-за кино, из-за концертов, постановок, ТЮЗ там часто выступал. Словом, из-за вечерней программы. Люди пришли за пропуском. Я пришел за девочкой, сидел с ней на последней скамейке. Мы флиртовали, и никакая химия не могла нас затронуть. А Халыг Кадырович рассказывал сам себе, он ставил опыты, у него там происходили забавные вещи, и постепенно он откалывал по одному барашку от нашего стада. Первые ряды возле него вначале были совершенно пустыми. Потом кто-то туда сел, за ним второй... Начали заполняться первые ряды. А химик бормотал что-то такое, т.е. полностью игнорировал зал. А может, ему и интересно было, я не знаю.

ИВ: То есть он формул никаких не писал? Он проводил только опыты?

ГА: Нет, он писал и формулы, но делал это для себя, как будто один человек в комнате, в большой комнате. Один - и все!..

ИВ: Мысли вслух?

ГА: Пожалуй, мысли вслух... Он рассказывал себе о водороде. Что именно он рассказывал о водороде, у меня не сохранилось в памяти. Тогда я не интересовался химией. Но однажды девочка заболела. Я посидел минут десять... Скучно. И я стал слушать. Потом пересел к столу химика поближе. И все, я погиб! Когда девочка через десять дней опять появилась на занятиях, я назад к ней не вернулся.

ИВ: А девочка вперед перешла?

ГА: Девочка вперед не перешла. И вот еще что показательное, отец меня учил: жену надо выбирать той профессии, которая стыкуется с твоей собственной профессией. Не обязательно той же самой, но надо, чтобы было что-то созвучное.

Мы начали заниматься химией. Халыг Кадырович, видимо, менял тактику, и я попал в переломный момент. В тот вечер Халыг Кадырович сказал:

- Вот видите, какая интересная вещь химия. Наиболее умные из вас уже начали соображать, я по глазам вижу. А наиболее глупые обойдутся без химии. Химия очень интересная вещь. Это - приключения веществ. Приключения!.. Почему же люди с трудом заинтересовываются химией... Вы были вчера на лекции про шпионов?

- Да, были, - хором ответили мы,

- Почему вы ходили на эту лекцию?

- Потому что интересно! И мы начали наперебой рассказывать, как коварный шпион сделал фотоаппарат-глаз...

- Вот видите, как интересно! Но так же интересна, даже более интересна, химия. Если только в ней разобраться, А никто не хочет разбираться! Как же быть?..

Не помню, то ли он сам высказал мысль, то ли сказал, что развивает общую идею... Так или иначе он подвел нас к мысли, сформулированной так: школьникам срочно нужна книжка. Знания по химии от них не убегают. Потому учебник пока не нужен. Занимательная химия тоже не нужна. Требуется книга-магнит, нет, не магнит, а КНИГА-РОМАН. Чтобы было увлекательно - как в "Трех мушкетерах". И полезно - как в технической энциклопедии.

- Книга должна выглядеть так, - сказал руководитель. И надолго замолк. Он смотрел в пустоту, в свободное пространство где-то под потолком. Нас он опять перестал замечать. Минут через десять он вернулся к действительности. Что-то изменилось за эти десять минут. Словно он действительно видел книгу, держал ее в руках.

- Книга будет о химических элементах. Мы соберем сведения о кислороде, водороде, азоте, фосфоре. Главы назовем "Кислород", "Водород", "Фосфор" и так далее...

Не знаю, верил ли он в то, что мы поднимем эту задачу. Но он не сомневался, во время сбора материала для книги мы будем думать и, следовательно, цепь будет достигнута.

Тут надо сказать, что сочинение книги и вообще литературная деятельность меня несколько не привлекали. Отец не раз пытался втянуть меня в "сочинительство", но я отказывался категорически. У меня даже появилось оправдание: неинтересно описывать то, что сделал кто-то другой... Теория эта была не вполне устойчива, потому что образ Жюль Верна подмывал ее основной постулат, и все-таки я был убежден: лучше быть, чем писать о тех, кто был. Но однажды отец все-таки увлек меня идеей написать рассказ. И я написал рассказ. Военно-морской рассказ, с военно-морским действием... Отец внимательно прочитал рассказ и сказал, что больше не надо. Я был огорчен, потому что с моей точки зрения рассказ был безукоризненный. Я взял один из эпизодов Ютландского боя и более-менее нормально изложил его в героических традициях. Но это не произвело впечатления...

Конечно, можно было продолжить работу над рассказом. Потянуть лямку литературного труда. Я видел - что это такое. Знакомые приходили к отцу, к матери, да и мать мучилась над словом - все это меня не воодушевляло.

ИВ: А мать писала статьи или тоже книги?

ГА: Нет, статьи, корреспонденции, заметки, репортажи. Самые разные.

ИВ: А отец? Когда он написал последнюю книгу? То есть он все время писал книги или прекратил?

ГА: В тридцать втором, тридцать третьем году написал свою последнюю книгу. Жили мы еще в Ташкенте. А книга появилась в Баку. Потом мы переехали в Баку. Но уже началась такая эпоха, когда было не до писания книг. Лучше было не высовываться. И отец не высовывался. Вел черновую издательскую работу.

Но предложение Халыга Кадыровича Дадашева заинтересовало меня своей исследовательской стороной, необходимостью поиска нового материала. С первых дней работы над книгой я натолкнулся на явление, которое произвело на меня сильное

впечатление. Были две книги, которые служили для нас прототипами. И вот перечитывая эти книги, я обнаружил, что одна из них почти дословно переписана у другого автора. Это был нахальный, наглый плагиат.

Через неделю-другую я выяснил, что плагиат, к сожалению, нередкое явление в литературе "для взрослых". Но я не подозревал, просто не думал, что плагиат возможен в детской литературе.

В ТРИЗ, теории решения изобретательских задач, есть такое понятие - "встреча с чудом". То есть встреча с каким-нибудь событием, явлением, книгой и т.д., оставляющим сильное впечатление на всю жизнь. Так было в моем случае. Наверное, я в ту пору "созрел" для восприятия "чуда" - и оно произошло... При других обстоятельствах, очень может быть, я бы не обратил внимания на плагиат в книге о химических элементах. Но случились так, что в эти дни я сам испытывал "муки творчества". Плагиат был воспринят как личное оскорбление.

ИВ: Получается, что "встреча с чудом" может давать положительный результат даже в тех случаях, когда само по себе "чудо" - явление отрицательное?..

ГА: Да, нередко так и бывает. Стихийные бедствия, например бури, с точки зрения человека - явления отрицательные. Но встреча с ними может давать и положительный результат.

Так или иначе я почувствовал, что можно браться за задачу, которая оказалась "потолочной" для взрослого литератора. То что он переписал - это плохо. Но он переписал не от хорошей жизни. Просто была трудная задача.

ИВ: Кстати, как вы относитесь к занятиям "взрослым" трудом? Ведь сочинительство - это взрослый труд.

ГА: Тут хитрее... Труд или имитация взрослого труда...

ИВ: В общем, не игра ли это во с взрослый труд?

ГА: Нет, это не игра. Но это и не взрослый труд. Здесь вот такая хитрая и штука: взрослый труд - сумма нескольких составляющих. Прежде чем написать книгу, нужно было собрать материал о химических Элементах, выбрать какую-то концепцию литературного изложений и литературно изложить. Минимум Три вида деятельности, три разных подзадачи. Хотя бы одна подзадача должна быть по силам, а все вместе должно быть за пределами сил. Комплексная задача а данном случае явно была за пределами наших сил. Но собрать материал мы могли. Здесь я как бы очутился в родной стихии, потому что...

Был такой период, когда меня оставляли не только на художника, не только на квартирохозяйку, не только на соседей, а еще и на библиотеку. Мать и отец часто работали в республиканской библиотеке имени Ахундова. У них были там хорошие знакомые, друзья. Родители меня туда приводили иногда на день, иногда на пять-шесть часов. А потом я сам приходил, добровольно. Меня узнавали и пропускали. Я усердно копошился в книжках. Правда, в читальный зал мне не разрешалось заходить. А в фондах я мог пастись сколько угодно. Вот я и лазил по полкам, выбирал наиболее интересные книги, а также играл в совершенно идиотские игры: издали угадать по переплету содержание книги... С книгами не соскучишься, тем более с такими, как книги в фондах библиотеки Ахундова. А эпоха была грозная. Я рассказываю о счастливой жизни. Как

будто кругом гроза, дождь, снег, ураган, стихийные бедствия, а тут маленький островок благополучия.

В школе нам объявляли: все откройте учебник истории на такой-то странице, где портрет Карла Маркса. Найдите в бороде слово "Троцкий" и зачеркните... Ну, вот борода Карла Маркса, а в ней масса перепутанных линий. Там можно было найти не только слово "Троцкий", а половину содержания романа "Война и мир".

ИВ: Это не анекдот?

ГА: Нет, я сам много раз находил слово "Троцкий" в бороде.

ИВ: А как вы находили?

ГА: Учительница говорила: вот здесь ищите букву "Т", здесь... Да, это было примерно так. Говорят: вытащите свои тетради, У кого на обложке рисунок "Песнь о вещем Олеге"? У вещего Олега на щеке фашистский знак. Зачеркните.

ИВ: Он в самом деле был?

ГА: Видимо, были какие-то инструкции свыше, потому что попытки самостоятельно найти "крамолу" пресекались. Нет, - говорили нам, - откройте учебник на такой-то странице и зачеркните портрет Тухачевского, он оказался врагом народа, наши доблестные товарищи чекисты разоблачили его.

ИВ: И об этом учитель говорил убежденным голосом или, так сказать, вяло?

ГА: Убежденным. Но без экзальтации, которая, по существу, должна была бы быть, без потрясения.

ИВ: А родители? Соседи? Комментировали как-то?

ГА: Родители комментировали в крайне отрицательных тонах.

ИВ: То есть они видели весь этот маразм?

ГА: Они видели, что поднимается волна арестов. Они как газетчики больше знали.

ИВ: У них была почти вся статистика на руках, у газетчиков.

ГА: Да, была такая самодеятельная статистика.

ИВ: И случаи яркие, наверное, были?

ГА: Да, были случаи... Вот на пляже. Мы едем на зыхский пляж. Туда ходил прогулочный пароход "Память Ильича". Шикарный пляж, богатая растительность. Однажды мы поехали в компании, т.е. родители поехали, взяли меня. Сидим мы на пляже, вдруг приходит один из приятелей отца и говорит: "Вон уже ведут..." Мы видим, как два милиционера под руки ведут гражданина весьма растерянного вида.

Выяснилась такая картина. Лежал человек на песке. Перед ним, метрах в двух от него лежала газета, он кидал камушки в газету. Развлекался. А на обратной стороне газеты был

портрет Сталина, о чем этот человек, скорее всего, не знал, не заметил. Кто-то увидел, побежал в милицию, доложил. И раба божьего повели в милицию... Эпоха была такая. Грозная, суровая. А я безмятежно играл в читальных фондах.

ИВ: Но книжки вы там тоже почитывали?

ГА: Книжки почитывал. Почитывал, разбирался, как они установлены, прикидывал, сколько времени мне надо, чтобы прочитать половину из них. И когда начался сбор сведений для книжки по химии, я мог продуманно пользоваться почти всей библиотекой. Материалы быстро пополнялись. Может быть, мы и написали бы книгу. Но планы начальства изменились. Нам объявили, что будет Всесоюзная олимпиада детского технического творчества и нужно делать модели. В морском кружке нам сказали, что будем делать модели кораблей, в химическом кружке - модели нефтеперерабатывающих установок.

ИВ: Это каждый должен был сделать?

ГА: Можно было объединяться по несколько человек, в бригады. Если модель крейсера - в бригаде пять человек, если модель катера - один. Делать модель корабля мне совершенно не улыбалось. Чисто внешняя, декоративная модель с резиновым двигателем. А модель химического завода представляла собой несколько колб, соединенных палочками, трубочками, фанерными коробочками-цехами... А я в то время увлекся космическими ракетами. Началось, конечно, с книг Жюль Верна, с фантастики. Может быть, с того же "Наутилуса"... В общем я проштудировал несколько десятков книг... в меру своего понимания. Математические книги я совсем не понимал, а вот книжку Макса Валье "Полет в космическое пространство" знал почти наизусть. Она на писательско-эмпирическом уровне вполне была мне доступна. Макс Валье - красивый парень в кожаной тужурке... Великолепный снимок был на титульном листе. Я изъял этот лист, поставил в рамочку.

ИВ: Валье потом подорвался в своей машине?

ГА: Да, он погиб в середине тридцатых годов, еще до начала второй мировой войны. Строил автомобили с ракетными двигателями, планеры. И подорвался.

...У меня возникла мысль: продолжить дело Валье. Построить катер с ракетным двигателем. Ракетным химическим двигателем. Это одновременно будет и результат работы химического кружка. Я смогу узаконить свое двойственное положение.

ИВ: И удовлетворить свои ракетные наклонности...

ГА: Да, удовлетворить свои ракетные наклонности.

ИВ: Ваш катер был без подводных крыльев?

ГА: Без. Ракетный двигатель рисовался мне состоящим из трех блоков. Блок получения кислорода. И блок получения водорода. Дальше - еще один бак, в нем водород и кислород смешиваются и образуют гремучий газ.

Вместе с преподавателем химии мы пошли в военно-морской кружок. Там идея объединения химии и морского моделирования сразу получила поддержку.

ИВ: Не было никаких возражений?

ГА: Никаких. Но никто не хотел отвечать за третий бак. С самого начала все были уверены, что он взорвется.

ИВ: Удивительно, что два специалиста (я имею в виду шефов) с ходу одобрили еретическую идею. Ведь проще строить привычные модели. Вообще-то они сообразили, что вы собираетесь строить?

ГА: Да, они сообразили. Очень даже хорошо сообразили! Но, зная мой излишне живой характер, надеялись, что дело не дойдет до практической постройки. В общем, разрешение было получено. Началась постройка будущего ракетного катера. Мы украли подходящую шпалу, валяющуюся на ремонтном участке трамвайной линии. Шпалу предстояло превратить в обтекаемый корпус катера.

ИВ: Мы - это кто?

ГА: Я и Яшка.

ИВ: Это парень с вашего двора?

ГА: Да. К этому времени мы перебрались... Квартиру получили. Примерно в тридцать девятом году. Мы стащили шпалу и начали делать из нее корпус. Работали так старательно, что прямо пар шел. Через пару месяцев начали вырисовываться великолепные обводы катера.

ИВ: Выдалбливали, что ли?

ГА: Выдалбливали. Яшка достал книгу по морскому моделированию. Там был красивый рисунок скоростного катера. Мы этот рисунок в пять раз увеличили, получился эскиз нашего катера. Вложили туда батарею от телеграфного аппарата, поставили колбу с водой - и началось образование газа. Процесс пошел!.. Правда, вода разлагалась крайне неохотно, крайне медленно. Ждать первого взрыва можно было до посинения. Мы притащили вторую батарею - от телефонного узла. Большую и, увы, тяжелую...

Первый опыт мы провели в коридоре Дворца пионеров. Там стоял большой аквариум. Мы опустили в него нашу бандуру. Подключили батарею, еще одну и еще одну... При установке четвертой батареи все хозяйство затонуло... Весело так забулькало и потонуло...

Химик от души веселился: мол, дурная голова ногам покоя не дает... Я крепко запомнил эту поговорку. Сначала надо было все рассчитать. Это же легко!.. Мы взяли учебник химии девятого класса и посчитали: какая сила тока в батарее и что это дает. Я понял, что ток в данном случае типичное не то. А химик раз десять повторил: "Думать надо, каким местом вы думали? Учитесь в химическом кружке, а получать нужные вам вещества хотите электрически, а не химически".

Действительно, кислород можно получать химически - из перекиси водорода. Водород можно получить из цинка и серной кислоты. А дальше смешать эти газы (водород и кислород). И мировой рекорд будет в наших реках...

На сей раз мы думали долго. Мы обсуждали это между уроками. А чаще (чего греха таить) - вместо уроков. И кое-что придумали... Во-первых, кислород можно получить из воздуха,

зачем нам перекись водорода? Целый блок отпадал... Во-вторых, зачем водород из цинка с кислотой? Это медленно, кислота опасна... Лучше взять карбид кальция и воду, за бортом сколько угодно воды...

И начал вырисовываться небывалый двигатель. Бак с карбидом, забортная вода. Карбид взаимодействует с водой, выделяется горючий газ - ацетилен. Выделяющийся газ поступает в камеру сгорания и - бах! - рекорд скорости наш... Так, во всяком случае, нам тогда казалось.

В теории все выглядело заманчиво, просто, даже красиво. На практике красоты было намного меньше. Например, мы три месяца бились над регулировкой сгорания. Поставили десятки опытов: реакция то шла, то останавливалась. Не раз положение казалось нам безнадежным. Не было приборов для регулирования. Был только один прибор - манометр. Но он безбожно врал. Мы поставили второй манометр, который регулировал первый манометр. Вранья стало меньше, но тут выяснилось, что нужен третий манометр. Для регулировки второго. Было очевидно, что потом придется ставить четвертый манометр (для регулировки третьего)...

И вот на одной из переменок появилась гениальная идея - выкинуть всю автоматику. Еще увеличить катер - до трех, трех с половиной, четырех метров. Посадить туда человека, который будет выполнять работу приборов...

Мы смылись с уроков, прибежали во Дворец пионеров и доложили своим шефам. Халыг Кадырович сказал: пора бы уже закругляться и сворачивать творческую стадию...

Внешне катер был достаточно красив: обтекаемый корпус, лаковая окраска, солидная приборная доска (правда, только с одним работающим прибором - манометром). Мы ее сперли в авиационном кружке. Вообще метод "блочного комплектования" широко применялся. И временами нашим шефам крепко доставалось за этот метод. Во дворе стоял мотоцикл. Зачем он там ржавел, кому принадлежал - непонятно. Он был прикрыт неопишуемой красоты пластмассовым обтекателем. Обтекатель идеально подходил для катера...

ИВ: Вы собирались развить бешеную скорость?

ГА: Мы собирались развить скорость порядка 400-500 км/час. Мировой рекорд был 600 км/час. Какой смысл строить катер, если он не побьет мирового рекорда?!

Мы обсуждали, как назвать катер. Варианты были идиотские, нечто типа "Молния" или "Гром и Молния" и так далее... Но морской шеф сказал: если хотите, чтобы корабль быстрее двигался, его, наоборот, надо назвать "Черепашкой" или "Улиткой".

ИВ: Это как бы в насмешку над той скоростью в 400-500 км/час, которую она должна была развить.

ГА: Мы назвали ее "Черепашкой". Кроме нас, никто не был огорчен более чем скромным названием корабля.

Устройство было очень простое. Кресло водителя, за креслом сразу же шесть баков, шесть резервуаров, набитых карбидом. Каждый резервуар имел отдельный выход наружу. Трубка, загнута вперед по движению. Это мы переняли у американского изобретения (способ заправки водой скоростных поездов на ходу без остановки). В книгах Перельмана

описано это изобретение. Вообще "Занимательную физику" и другие книги Перельмана мы использовали широко. Эти книги были одним из основных руководств при проектировании нашего корабля. Для корабля, спроектированного по книгам Перельмана о занимательной науке, наш катер совсем неплохо выглядел. Внешний вид он имел настолько привлекательный, что к нему начали проявлять нездоровый интерес разные личности. Нам приходилось каждый раз после работы перед закрытием Дворца пионеров тащить катер со двора по узкой винтовой лестнице на пятый этаж, где был химический кружок.

ИВ: А из чего сделали катер? Из металлических листов?

ГА: Нет. Корпус катера - из фанеры, из дерева.

ИВ: А тот, выдолбленный?

ГА: Выбросили. Выбросили или кому-то из наших передали в морской кружок. Ну, а большой корпус с самого начала строился "по науке". Мотор мы заказали. Баки делали сами. Клепали, потом сваривали под присмотром руководителя кружка... Камера сгорания - это переделанный мотоциклетный цилиндр.

Его переделывали на заводе, без нашего вмешательства. Электрооборудование: батарея, преобразователь, две свечи (две - для надежности...).

Каждый день возникало множество вопросов. Мы хватались за первое пришедшее на ум решение. Я не знал тогда, что такое техническое противоречие. Не знал, что появление технических противоречий - закономерность. Нельзя рассчитывать, что они вдруг исчезнут сами по себе.

... Ну, потом в один прекрасный день мы погрузили катер на грузовик и поехали - через весь город - в парк Низами.

ИВ: Где это?

ГА: Черный город, рабочий район в Баку. Парк хороший. До войны он вообще был прекрасным парком: большой и красивый, с бассейнами. Там была прокатная станция с лодками. Но в тот день она не работала. То ли сезон кончился (или не начался), но никто нам не мешал провести испытания. Бассейн имел двести метров в длину, 70-80 в ширину - это, конечно, не океан. Но для первого испытания катера вполне достаточно...

Главная наша забота была - как бы на большой скорости не врезаться в противоположный берег. Сочувствующих и болельщиков было много. Спустили на воду катер. В первый рейс отправились вдвоем: Яшка устроился у меня на коленях и гордо крутил руль. Он был очкариком, вариант для испытания катера не самый лучший, но зато мы оба были довольны. Я сидел в кресле и в общем-то ничего не видел. Наощупь дотягивался до кранов, по которым вода поступала в баки.

Волнующий момент спуска: катер сразу не утонул! А он вполне мог сесть глубже, чем дюза, вода попала бы в дюзу. Но Бог миловал: "Черепаша" не утонула. Для корабля, построенного по "Занимательной физике" Перельмана, это не так мало.

Ну вот, уселись мы... Нам было указано, чтобы давление ацетилена держали не выше четырех атмосфер. Где-то в районе четырех атмосфер мы включили зажигание. НИЧЕГО

НЕ ПРОИЗОШЛО! Была долгая пауза с нарастающей растерянностью экипажа. А потом ахнуло. Я зажмурился. Наверное, Яшка тоже зажмурился. Зажмуривание не входило в планы первого опробования катера. Редкие взрывы и тишина между ними...

ИВ: Но катер двигался?

ГА: Двигался... со скоростью пешехода.

ИВ: Но все-таки двигался?

ГА: Все-таки двигался. Очень медленно: вместо 400 км/час где-то 4 км/час.

ИВ: И скачками, да?

ГА: Нет. Взрывы, конечно, были одиночными. А движение катера - благодаря инерции - более-менее равномерное. Катер шел около берега бассейна. Мы видели, как рядом бежали наши ребята. Точнее, не бежали, а спокойно шли. Они делали нам знаки, чтобы мы поднажали. А как можно было жать? Только повысив давление. Но это был бы неоправданный риск. Мы знали, что изготовленные нами баки, мягко выражаясь, не бесконечно прочны... Содрогался и потрескивал корпус. Мы хорошо знали "прочность" корпуса, двигателя...

Это были неофициальные испытания. На следующий день предстояла приемка комиссией. Надо было сберечь машину, хотя бы на сутки. Об этом нам не раз говорили наставники.

Мы описали круг, благополучно вернулись к месту старта, а потом часа два барабанные перепонки отходили. Грохот был отчаянный.

ИВ: Вы сказали, что вам запретили поднимать давление выше четырех атмосфер.

ГА: Ну, насколько я помню... Не больше четырех атмосфер.

ИВ: Когда Пикар погрузился в своем батискафе в первый раз, ему запретили маневрировать.

ГА: Мы все-таки причалили, мы не утонули.

ИВ: А главное, вы сумели развернуться.

ГА: Да, это удалось. Там было достаточно широко, а в середине бассейна стояла бетонная тумба, между прочим, ее требовалось обойти. На ней была мачта, на которой поднимали флаги во время праздников.

ИВ: А у судна были какие-нибудь рули?

ГА: Еще какие! Рулевое управление мы сделали, как на старых фрегатах - наподобие вешалки с рукоятками...

В общем, первые натурные испытания прошли благополучно. Ничего не взорвалось, не сгорело, не утонуло и оба ребенка были целы. Единственный минус - двигатель работал с большими паузами. Скорость катера была маловата. Но у нас имелся резерв: мы могли повысить давление ацетилена. Правда, это рискованный путь...

ИВ: Кстати, как вы отключили двигатель?

ГА: Зажиганием. Был пусковой кран на выходе между коллектором ацетилена и камерой сгорания...

Итак, первое испытание прошло успешно. Половина народа уехала, а половина осталась сторожить корабль до завтра.

Утром на двух автобусах приехала комиссия в сопровождении ребят из разных кружков. Чудесное было утро - свежее, без надоевшей жары, и члены комиссии восторженно ахали, разглядывая деревья, траву, пруд и ярко-красную "Черепашу". Яшка отвел меня в сторону и мрачно зашептал:

- Слышь, Генка, плохо наше дело. В комиссии этой насчет техники никто ни бум-бум. Там ведь кто? Руководительница вышивального кружка, потом из балетного, из литкружка, из биологического, из хорового, а та, что с девчонками стоит, -художественная гимнастика. Один мужик, так и тот из рисовального. Им без разницы - ракета или весла. Ничего не поймут, вот увидишь.

Я предстал перед комиссией в новеньком комбинезоне и авиационном шлеме (Николай Андреевич раздобыл у планеристов). Комиссия с умилением оглядела меня и благожелательно задала ряд вопросов: сколько мне лет, в какой школе учусь и какие у меня отметки. Председательница воскликнула: "Очень мило, нет, правда, здесь все очень мило..." Яшка только-только кончил заряжать баки, от него попахивало карбидом, и Николай Андреевич велел ему держаться подальше от комиссии.

Ребята подтянули "Черепашу" к берегу, можно было приступать к испытаниям. Химик шепнул: "Давление не больше двух атмосфер, смотри!" Николай Андреевич отозвал меня в сторону и предупредил: "Поосторожнее там... Давление держать не больше трех атмосфер". Я залез в кабину. Яшка, стоя по колено в воде, придерживал "Черепашу".

- Вот вата, заткни уши, - сказал он. - И не вмажь в тот берег,

Он закрыл плексигласовый верх кабины и показал растопыренную пятерню. Это означало: давление ацетилена не меньше пяти атмосфер.

Дальше я действовал почти автоматически. Быстро открыл все краны, послышалось шипение, стрелка манометра резво побежала вправо. Я посмотрел, куда направлен нос "Черепашки", все было в порядке, Яшка успел развернуть катер кормой к берегу. Стрелка проскочила цифру 3. Теперь надо было смотреть в оба глаза за этой стрелкой, потому что баки могли не выдержать такого давления; я хорошо знал, какие они ненадежные, наши баки.

Когда стрелка коснулась пятерки, я рванул пусковой кран и почти одновременно включил зажигание. Мгновенно раздался высокий звенящий звук, словно рядом разбили стекла, - и тут же грянул взрыв. Он отличался от вчерашнего взрыва, как трубный рев дюжины взрослых слонов отличается от крика одного маленького слоненка,

Я закрыл глаза и съежился, вцепившись в руль. В тот момент мне и в голову не пришло оглянуться! "Черепашка" стояла метрах в полутора от берега, и дюза оказалась нацеленной на комиссию, которой Халыг Кадырович тщетно растолковывал принцип ракетного движения. Николай Андреевич, человек опытный и не раз видевший, как взрываются

корабли, показывал химику знаками, что, мол, надо отойти подальше, но тот не замечал его сигналов. Именно в этот момент я и включил зажигание.

Потом я долго расспрашивал очевидцев. Говорили разное. Легенды возникают поразительно быстро, а в них все страшно преувеличено. Так вот, согласно легенде, комиссию словно ветром сдуло. Никто не устоял на ногах. Подобная же участь постигла зрителей, которые пробрались поближе. Остальные, как принято говорить, отделались легким испугом.

Оглушительный старт "Черепахи" продемонстрировал комиссии разницу между веслами и ракетой и, как позже сказал Яшка, ссылаясь на Маяковского, сделал это "весомо, грубо, зримо".

А я, открыв глаза, увидел, что "Черепаха" двигалась, но действительно с черепашьей скоростью. Каждый взрыв, а они раздавались через три-четыре секунды, заставлял меня закрывать глаза. Я чувствовал, как выгибается корпус "Черепахи", и ждал, что камера сгорания вот-вот сорвется. Оглушительные, пушечной силы, взрывы - это победа: мотор работал и еще как громко работал! Но "Черепаха", содрогаясь и сотрясаясь от взрывов, шла со скоростью пешехода, не больше. И это было страшное поражение... Меня раздирали противоречивые чувства, а подумать, собраться с мыслями я не мог: попробуй мыслить, если за спиной раздается такая канонада!

Логично мыслить я начал, когда "Черепаха" подошла к середине пруда. Я разглядел стрелку манометра, увидел, что она дрожит около цифры 4, и подумал: раз "Черепаха" не развалилась - еще не развалилась! - и мотор держится, надо поддать давление ацетилена до семи или восьми атмосфер.

Выключил зажигание, перекрыл пусковой кран. Наступила тишина, престо невероятная тишина, я никогда не слышал такой тишины. Не знаю, шипел ли карбид в баках, но стрелка двигалась вправо, давление увеличивалось, и я стал вертеть руль. "Черепаха" медленно разворачивалась.

И вот тут произошла катастрофа. Послышался странный звук - словно с треском разорвался кусок материи, - и кабина сразу заполнилась едким запахом карбида. Лопнул бак, первый слева, он разошелся по шву, стальная стенка как бритвой пропорола фанерную обшивку. Внутри катера хлынула вода. Я посмотрел на стрелку, она дрожала у цифры 7: включить бы сейчас двигатель!.. Но "Черепаха" кренилась на борт, в кабине было невозможно дышать. Я отбросил плексигласовый верх и полез за борт... Все-таки "Черепаха" была хорошим кораблем: тонула она не спеша, солидно. Я плавал вокруг нее, пока она не скрылась под водой. Потом я направился к берегу. Очень не хотелось туда плыть, но что оставалось делать...

То, что происходило в следующие полчаса, трудно поддается описанию. Разъяренные члены комиссии тянули меня в разные стороны, пересчитывали мои руки и ноги, что-то спрашивали, а я ничего не слышал и отвечал невпопад. На Николая Андреевича и Халыга Кадыровича рушился град упреков и обвинений. Комиссию нисколько не беспокоило, что "Черепаха" не побила мировой рекорд. Похоже, комиссия ничего не заметила, кроме первого взрыва. Председательница возмущенно повторяла: "Кто разрешил посадить ребенка на эту бочку с порохом?"

Яшка успел сбежать, нас же - Николая Андреевича, Халыга Кадыровича и меня - посадили в автобус и повезли в город. Через час мы давали объяснения директору Дворца

пионеров. Собственно, за всех нас объяснялся Николай Андреевич. Мне не удалось сказать ни слова, хотя еще в автобусе, слегка изменив знаменитое изречение Галилея, я приготовил отличную фразу: "А все-таки она двигалась!"

Объяснения шли на высоких тонах. У директора был внушительный голос, директор натренировался в драмкружке. А Николай Андреевич мог, если надо, перекричать рев шторма. Мы сидели в коридоре, ожидая решения. И начальство проявило мудрость, которая поразила меня своей неожиданностью и непостижимостью. Был издан приказ а двух пунктах:

1. Конструкторов "Черепяхи", руководителя и актив химического кружка премировать туристскими путевками.
2. Лицам, указанным в пункте первом, отбыть в турпоход согласно путевкам.

Позже я понял, насколько мудро и логично было это решение. Нас премировали, следовательно, нам не обидно. Нас отправляли в турпоход, следовательно, дальнейшие эксперименты пресекались, комиссии тоже не обидно. К тому же решалась проблема, вторую неделю терзавшая директора: горели турпутевки, предусматривающие пеший поход, от этих путевок наотрез отказывались руководительницы хоровых и тому подобных кружков.

Путевки и билеты нам вручили тут же. Мы посмотрели и ахнули - поезд уходил завтра утром. Надо было бежать домой, объяснять все родителям и собирать вещи...

* * *

В походе у нас было достаточно времени, чтобы подумать, что же собственно произошло. Сначала мы на все лады обсуждали, как поднять "Черепяху". И только потом поняли, что нужен новый двигатель. В камеру сгорания "Черепяхи" топливо поступало в газообразном виде, газ весит мало, а объема занимает много. Поэтому каждый раз в камере оказывалось всего несколько граммов горючей смеси. Мы не сообразили, что горючее надо подавать в жидком виде - в этом была наша ошибка.

По вечерам мы сидели у костра и спорили, каким должен быть жидкостной ракетный двигатель, какое горючее лучше и какую жидкость взять окислителем вместо воздуха.

Жидкостный ракетный двигатель я собирал два года. Камера сгорания была маленькая, меньше чайного стакана: весь двигатель спокойно умещался на подоконнике. Я собирал двигатель дома, иногда мне помогал Яшка. Запустить двигатель я не решался: знал, что в самом лучшем случае он выдержит несколько секунд, не больше.

Много мороки было с окислителем - перекисью водорода. В аптеках продавали трехпроцентный раствор перекиси, для двигателя этот раствор не годился. Ревмира достала в парикмахерской пергидроль - тридцатипроцентный раствор перекиси, но и этого было мало. Впрочем, пергидроль пригодился для дыхательного прибора. Он легко разлагался, выделяя кислород. И я построил подводный дыхательный прибор, работающий на перекиси. Я не придавал этому прибору особого значения, но именно на него я получил свое первое авторское свидетельство. Было это в десятом классе...

В феврале сорок четвертого я ушел в армию. За два дня до отъезда удалось раздобыть немного концентрированной перекиси, я решил показать Ревмире, как работает жидкостная ракетная установка. Вечером объявили воздушную тревогу, соседи спустились в убежище, а мы с Ревмирой вытащили установку в опустевший коридор. Двигатель был надежно прикреплен к стенду, массивной металлической доске. Мне вспомнилась кабина "Черепахи"; на этот раз не было никаких приборов. Пусковой кран я дернул шпагатом издали. Перекись, попав в камеру сгорания, сама воспламенила горючее, спирт. И в унылый коридор старой коммунальной квартиры вдруг ворвался голос будущего, голос ракетной эры - слитный, мощный, яростный рев ракетного двигателя. За две-три секунды камера раскалилась докрасна. Рев резко оборвался, над стендом взметнулось синее пламя, горел спирт. Мы с трудом сбили огонь, от установки остался обгоревший, оплавленный металл...

И все-таки она сработала, эта установка! Наверное, это самое главное. Мы ищем, строим, сомневаемся, радуемся, надеемся, и в конце концов что-то удастся, что-то получается, и мы можем сказать: а все-таки вертится, смотрите, все-таки вертится, движется, работает!

Copyright © 2000 ТРИЗ-группа (Великий Новгород)